

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sadler W.A., Jr., Johnson T.B., Jr. From loneliness to anomia. The Anatomy of Loneliness / J. Hartog, J.R. Audy, J.A. Cohen. – N.Y.: Intern. Univ. Press, 1981. – P. 34–64.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. – 284 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – СПб.: Союз, 1998. – 496 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ Москва: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
5. Руткевич Е.Д. Типология социального характера // Социс. – 1993. – № 3. – С. 118–129.

Поступила 18.05.2010 г.

УДК 17+004.056.5

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭТИКЕ

О.М. Манжуева

Восточно-Сибирская Государственная академия культуры и искусств, г. Улан-Удэ
E-mail: ocydenova@yandex.ru

Рассмотрены этические аспекты применения информационных технологий. Этическое регулирование науки представлено как новый этап развития науки в целом. Сегодня ответственность и свобода применения информационных технологий в процессе научного поиска не являются альтернативными. Отсюда определена вся важность движения мирового научного сообщества за более действенный социально-этический контроль над научными исследованиями и их технологическим применением.

Ключевые слова:

Информационная этика, информационные технологии, информационная безопасность.

Key words:

Information ethics, information technology, information safety.

В работе Лучано Флориди «Информационная этика: О философских основаниях компьютерной этики» информационная этика называется онтоцентрической наукой [1]. Перед ней выдвигается задача, состоящая в том, чтобы с моральной позиции вынести оценку в отношении любой информации о том, что существует в мире, начиная от планет, камней, растений и животных, заканчивая людьми и их социальными отношениями. При этом провозглашается онтологическое равенство всех форм действительности. Если биоцентричная этика исходит из убежденности в том, что существует всеобщий нравственный закон о внутренней ценности жизни и, как следствие, негативно оценивает любой вид страдания, то в рамках информационной этики полагается, что существует еще нечто более фундаментальное и, одновременно, элементарное, чем жизнь и страдание [2. С. 112]. Речь идет о бытии вообще, которое понимается как информация. При этом утверждается, что бытие, как информация, имеет внутреннюю сущность, и может не только сохранять свой статус, но и изменяться.

Таким образом, отмечаемое ранее в этике движение от антропоцентричной перспективы к биоцентричной, теперь заменяется движением от биоцентричной парадигмы к онтоцентричной, т. е. в направлении учения о бытии как таковом. Указанное движение обуславливается тем, что информация о нас составляет часть нашего существова-

ния, а тот, кто владеет такой информацией, обладает частью нашего существа, чем нарушает нашу автономность. При этом не следует забывать о том, что существует, и такой тип информации о каждом из нас, который требует публичности, иначе мы не сможем называться членами общества. Вот почему говорят о нескольких видах «права на частную жизнь» (*privacy*) – физическом, ментальном, информационном. Право индивида на частную жизнь является одним из основных прав человеческого бытия: без него наше существование становится контролируемым, и, как следствие, достоинство человеческого индивида оказывается под угрозой нарушения [3].

Проблемы искусственного интеллекта, генной инженерии и клонирования входят в сферу информационной этики. Технократия упорно старается стереть границу между человеком и компьютером, между человеком и машиной. Н. Винер, основоположник кибернетики и величайший романтик машинной эпохи, обрисовал перспективы реализации идеи – симбиоза машины и человека. Объединение живой плоти и неживой посредством локальной сети нашего организма, нервной системы, было для Н. Винера, в первую очередь, попыткой помочь человеку обрести новые возможности или вернуть утраченные. Предваряя эту идею в жизнь, в 2001 г. осуществили первое соединение нейрона с чипом. Основная суть этого подхода – объединить сильные стороны человека и компьютера. Человек

может и должен использовать интуицию, ассоциативную память, свое оригинальное понимание тех или иных процессов. На долю компьютера выпадает роль по выполнению громоздких точных расчетов и расширению эффективного объема оперативной и долговременной памяти человека. В течение многих десятилетий вычислительная мощность, лучших образцов искусственного интеллекта и робототехнических систем, оставалась на уровне мощности мозга насекомых. Когда искусственный интеллект достигнет человеческого уровня, это даст еще более сильный толчок дальнейшему развитию. Изучение моторных функций – не самое интересное, что обещает эксперимент. Возможно, это путь к сложнейшим машинным интерфейсам будущего, наделению человека экстрасенсорными способностями, моменту, когда суперинтеллект, или чистый интеллект, окажется технически возможен [4].

Соединение человеческого (индивидуального и коллективного) интеллекта с машинным интеллектом может привести к серьезным эволюционным изменениям. В результате возникнет новая форма организации – «чистый интеллект». Под данным термином понимается интеллект, который превосходит лучших представителей человеческого разума, работающих практически в любой сфере деятельности, включая научное творчество, здравый смысл и социальные навыки. Это может быть компьютер, культивированная мозговая ткань и нечто другое, основанное на принципе нанотехнологий.

Исчерпывающего определения понятия «нанотехнологий» пока не существует. По аналогии с микротехнологиями, нанотехнология оперирует величинами порядка нанометра, т. е. одной миллиардной доли метра. Эта ничтожная величина, которая значительно меньше длины волны видимого света, но вполне сопоставима с размерами атомов. Именно поэтому полагается, что переход от «микро» к «нано» скорее не количественный, сколько качественный, ибо означает скачок от манипуляций с веществом к манипуляциям с отдельными атомами. Что касается наномашин, то они способны коренным образом изменить среду обитания человека.

Каждый шаг на пути к суперинтеллекту способен принести значительные экономические выгоды. В компьютерную индустрию инвестируются огромные суммы для создания следующих поколений машин и программного обеспечения. Люди рассчитывают приобрести более лучшие компьютеры и совершенное программное обеспечение, чтобы с их помощью, в конечном итоге, получать новые выгоды, которые эти машины могут помочь производить. Перечню возможных выгод для потребителей практически нет конца. Это и более качественные лекарства, открытие новых возможностей по освобождению людей от необходимости выполнять скучные и опасные виды работ, все более захватывающие и, одновременно, безопасные формы раз-

влечений. Имеют место и с военные мотивы в области разработки искусственного интеллекта. Идя по этому пути, сложно обозначить какую-либо естественную точку остановки, где мы могли бы сказать сами себе: «все, до сих пор, но не дальше».

На пути дальнейшего обсуждения вопроса об искусственном интеллекте человеческого уровня или выше немаловажную роль могут сыграть и политические силы, ибо суперинтеллект – это не только источник возможных выгод, но и источник новых угроз в отношении превосходства и даже выживания человеческого вида. Способно ли человечество соответствующим вмешательством в программное обеспечение организовать мотивационную систему действия для суперинтеллекта таким образом, чтобы гарантировать его подчинение людям? Могут ли быть уверены политики будущего, что искусственный интеллект не подвергнет опасности интересы человека? Коллективное решение по запрещению новых исследований в этой области не может быть достигнуто и успешно воплощено, поскольку люди пока не рассматривают происходящий процесс замещения биологических людей искусственно созданными машинами как нечто обязательно негативное. Возможно, что причина этого находится в сфере воздействия других мощных сил, связанных с мотивами по приобретению краткосрочных прибылей, любопытством, идеологией, потребностями в возможностях, которые суперинтеллект способен дать его создателям. «В течение ближайших тридцати лет у нас появится техническая возможность создать сверхчеловеческий интеллект. Вскоре после этого человеческая эпоха будет завершена» [5]. Если мы сможем найти гарантированный способ подчинения сверхчеловеческого искусственного интеллекта людям, то возможно такой интеллект будет создан в далеком или ближайшем будущем. Однако, даже если нет возможности такой способ создать, тем не менее, вероятно, сверхчеловеческий искусственный интеллект все равно будет создан.

Складывание революционной ситуации в еще одной области научной деятельности человека – в генетике – создает предпосылки по осуществлению философской рефлексии в отношении ближайших и отдаленных последствий, которые влечет за собой вмешательство в человеческий тип. До того момента, пока речь шла об эффективности клонирования в связи с обеспечением различных сфер жизнедеятельности человека, например, в рыбном и сельском хозяйствах, растениеводстве и животноводстве, проблема не носила столь острого характера. Но, когда встал вопрос о возможном клонировании человеческого существа, то он потребовал усилий многих теоретиков по осмыслению последствий осуществления данного шага.

Результаты исследований в области генной инженерии содержат в себе потенциальную угрозу для человека. Моральные проблемы, связанные с проектом генома человека, напоминают о том, что

человек есть нечто большее, чем носитель генетических свойств. Человек, прежде всего, существо социальное, он является членом семьи, общества, нации. Разнообразие генетических признаков существует независимо от мечты о генетическом совершенстве. В данном случае необходимо сохранить баланс между благом отдельного индивида и благом сообщества. Что именно является «благом», лежит за пределами биологической науки. Биотехнология является продуктом творческих усилий многих, однако ее применение зависит от моральной ответственности человечества в целом. Человек в настоящее время способен изменить не только собственные гены, но и гены любого организма, а, следовательно, экосистему всей планеты.

Относительно проблем генной инженерии и клонирования Л. Флориды приводит гипотетический пример [1]. Если бы путем клонирования стало возможным вывести таких коров, которые бы не имели никаких нервных сенсорных волокон и, не чувствуя боли, при правильном кормлении только увеличивали бы массу тела, то для получения мяса их даже не нужно было бы убивать. Для этого достаточно было бы просто вырезать у животного нужные части тела, при этом оно не чувствовало бы ни боли, ни страданий. Вопрос, который в этом случае возникает состоит не в том, морально или нет создавать таких чудовищ, а в том, как этика может оправдать подобное обращение с ними. Позиция информационной этики состоит в признании того, что поскольку «бесчувственная корова» является биологической массой, то ее целостность требует уважения. Это же касается и клонирования бесчувственных людских особей с целью получения их органов, что полагается совершенно морально недопустимым.

В рамках современных дебатов в области биоэтики вопрос о том, может ли человек использовать различные генетические технологии, сводится к вопросу о том, не «играет» ли человек с Богом, поскольку человек фактически узурпировал власть, которая ему не принадлежит. Источник смысла человеческого существования в том, чтобы деятельность человека была актом благодарения за божественный дар, а не, наоборот, считала себя источником любого дара.

В памятниках мировой интеллектуальной мысли, задолго до постановки данной проблемы научно-техническим прогрессом, достаточно просто обнаруживаются следы ее обсуждения. Создание человека по заданным параметрам и даже сама мысль о такой возможности запрещают тексты Каббалы. Данный запрет объясняется недопустимостью космического всевластия нравственно несовершенного существа, коим является человек, а также тем, что такой сверхчеловек способен устранить саму идею Бога. Искусственного человека пытается создать доктор Фауст И.В. Гете — гомункулуса, и при этом присутствует сила зла — Мефистофель. «Бог умер!» — таков вывод из про-

блемы сверхчеловека, поставленной Ф. Ницше. Можно вспомнить и о генетических манипуляциях с эмбрионами, которые описаны в романе О. Хаксли «О дивный новый мир». Наконец, в XX веке мы обнаруживаем наличие прямого идеологического заказа на евгенику для реализации целей государственной политики, ориентированного на необходимость прямого вмешательства в природу человека. Формулирование и стремление реализовать данную идею искусственного отбора в условиях ослабленного естественного, продемонстрировало нам всю опасность вероломства псевдонауки [6].

Все религиозные институты настаивают на том, что воспитывая человека, необходимо стремиться раскрыть образ и подобие Бога в нем, а не пародию на его личность, что воспринимается как кощунство. Клонирование — это вызов религиозной морали, измена ее принципам. Согласно буддизму, генетически наследуемые черты не определяют всю природу человека. На их взгляд, нелепо было бы пытаться генетически сконструировать такие сложные человеческие качества, как моральная устойчивость, искренность и сострадание, и т. п. В рамках этого учения стоит вопрос не о том, может ли человек реконструировать душу и тело другого человека, а о том, нужно ли это делать. При анализе таких форм человеческой деятельности, как биоинженерия и клонирование, представителей буддизма интересуют, прежде всего, намерения и желания, лежащие в основе этой деятельности. С точки зрения буддизма, эгоистические желания не могут лежать в основе благих поступков. Буддисты указывают на серьезный психологический риск, связанный не только с клонированием, но и любой технологией, которая сулит большой контроль над процессом воспроизводства, чем тот, которым мы располагаем в настоящее время. Речь идет об уровне деспотического контроля над личностью, сконструированной в результате клонирования [2. С. 123].

Мораторий на исследования в области генной инженерии, наложенный в 1974 г., является свидетельством возрастания тревоги прогрессивно настроенных ученых за судьбы социального применения научных достижений. Мораторий был снят только после острых дебатов относительно гарантий, исключающих их неугомонное использование или случайный вред. По мнению американского ученого П. Диксона, если тот или иной способ был испытан на млекопитающих, то он может быть применен и к людям. Но в этом случае есть опасность, что общество попадет в ситуацию реальной множественности, в которой никто уже не сможет отличить генетически подлинное существо от искусственно созданного или артефакта. В 1998 г. на симпозиуме по репродуктивной медицине американский физик Ричард Сид заявил о том, что он готов вместе с группой медиков и лиц, стремящихся обрести копии или быть донорами намерения, приступить к работам по клонированию человека

[7]. Исследования общественного мнения в США по этому вопросу показали, что многие ученые недовольны стремлением официальных властей представить проблему «утечки» из лабораторий искусственно созданных организмов и заражения ими населения только как техническую проблему, оставляя в стороне философские, этические и политические аспекты [8].

Сегодня разворачивается движение ученых за более действенный социально-этический контроль над научными исследованиями и их технологическим применением. Этическое регулирование науки становится новым этапом развития науки. Ответственность и свобода научного поиска не являются альтернативными. В современных условиях этические проблемы возникают по отношению к науке в целом. Поэтому дискуссии по проблемам, связанным с регулированием исследований в области геномной инженерии, нельзя рассматривать как нечто случайное для развития науки. Сознание этого все глубже проникает в современную науку и создает практические возможности для диалога и совместных действий внутри мирового научного сообщества [9].

У первых греческих мудрецов любовь к мудрости начиналась с этических принципов, вроде «меру во всем соблюдай», которые и сейчас вполне могли бы выступать в качестве регулятора человеческого поведения. Оценить же долг рационального индивида в терминах расширяющейся информационной сферы — главная задача информационной этики.

Л. Флориди выделяет следующие четыре класса свойств основных ценностей информационной этики [1]:

- 1) модальный;
- 2) гуманитарный;

- 3) иллюстрирующий (*illuministic properties*);
- 4) конструктивистский (*constructionist properties*).

Модальный класс свойств информационной этики содержит в себе такие ценности, как взаимобусловленность, логичность и осуществимость. Гуманитарный класс характеризуется такими качествами, как стабильность и нестабильность, безопасность, доверие, конфиденциальность, аккуратность, искренность и честность. Класс разъясняющих свойств содержит понятия доступности и недоступности информации, возможности ее использования, ее систематичности. Наконец, конструктивистский класс характеризуется категориями моральности информации, ее современности, нормативности, в том числе избыточности. Именно этот четвертый класс свойств отличает информационную этику от компьютерной этики. Конструктивистский класс свойств информации не имеет прецедента в истории культуры. Это обусловлено тем, что, данный класс свойств гарантирует информационной сфере возможность различных форм осуществления процедуры расширения и изменения.

Таким образом, можно констатировать, что информационная этика ориентирована на объект, от чего и не является стандартной, онтоцентричной теорией. Она организована вокруг иных понятий, а именно понятий рачительности и заботливости (*for the sake and care*). В рамках данной этики традиционные для всех видов нормативной этики вопросы — «что должен я делать?», «кем должен я быть?», уступают место совершенно иным вопросам, а именно, «что следует уважать и улучшать?». Информационная этика поднимает до уровня исторической перспективы самые простые, самоочевидные, разделяемые всеми людьми нормы морали. Они приобретают смысл тех высших и конечных целей, вне которых человеческие поступки и социальные институты лишаются смысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Floridi L. Information ethics: On the philosophical foundations of computer ethics. 2009. URL: <http://www.philosophyofinformation.net/publications/pdf/ieotfce.pdf> (дата обращения: 24.09.2009).
2. Галинская И.Л. Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика // Новые инфокоммуникационные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития. — М.: Дашков и Ко, 2003. — С. 121–127.
3. Vindg V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era, 1993. URL: <http://www.andrzej.virtualave/singularity.html> (дата обращения: 05.08.2008).
4. Spinello R.A. Ethical aspects of information technology. — Englewood Cliffs (N.J.), 1995. — XI. — P. 129.
5. Stonier T. Towards a new theory of information // J. of inform. science. — Amsterdam, 1991. — V. 17. — № 2. — P. 257–263.
6. Лешкевич Т.Г. Философия науки: Традиции и новации. — М.: ПРИОР, 2001. — 428 с.
7. Barnhart M.G. Nature, nurture and no-self: Bioengineering a. Buddhist values // J. of Buddhistethics. — L., 2000. — V. 7. — № 3. — P. 126–144.
8. Декларация в защиту клонирования и неприкосновенности научных исследований // Человек. — 1998. — № 3. — С. 7.
9. Лазар М.Г. Этика науки: Философские аспекты соотношения науки и морали. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — С. 75.

Поступила 22.03.2010 г.